КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

по жалобе Жаныбекова Нурсултана Жаныбековича и Матцакова Самата Аскаровича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 10 июня 2026 года

8 июля 2026 года город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Жолдошевой Л.Ч., Кыдыралиевой Б.А., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Джолгокпаевой С.А., руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Жаныбекова Н.Ж. и Матцакова С.А. на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 10 июня 2026 года № 12-о.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Жаныбекова Н.Ж. и Матцакова С.А., выслушав информацию судьи-докладчика Кыдырбаева К.Дж., Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 12 мая 2026 года поступило ходатайство Жаныбекова Н.Ж. и Матцакова С.А. о проверке

соответствия пункта 7 части 2 статьи 82 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее – УК) части 2 статьи 23, части 3 статьи 24, части 2 статьи 56, части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

Оспариваемая норма предусматривает, что пробационный надзор не применяется к лицам, осужденным за преступления, предусмотренные статьями 137, 157, 158, 166, 167, 168, 172 и 173 УК.

Как следует из содержания ходатайства, заявители не оспаривают полномочие законодателя определять пределы уголовной ответственности и условия применения мер уголовно-правового воздействия. Вместе с тем они полагают, что установленные ограничения должны соответствовать конституционным принципам справедливости, соразмерности, гуманизма и индивидуализации ответственности.

По мнению заявителей, оспариваемая норма устанавливает абсолютный и безусловный запрет на применение пробационного надзора к определенной категории осужденных, исключительно исходя из квалификации совершенного деяния, не позволяя суду учитывать характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, наличие смягчающих обстоятельств, поведение лица после совершения преступления, тем самым, устраняя возможность достижения целей наказания без изоляции осужденного от общества.

В обоснование своей позиции заявители указывают, что пробационный надзор по своей правовой природе не является освобождением от уголовной ответственности либо наказания, а представляет собой форму реализации уголовной ответственности, связанную с установленными законом обязанностями, ограничениями и государственным контролем. В связи с этим они считают, что законодательное исключение возможности его применения к отдельным категориям осужденных лишает суд возможности осуществлять индивидуализацию уголовной ответственности и наказания.

Ссылаясь на часть 2 статьи 23 Конституции, заявители указывают, что оспариваемое регулирование не отвечает требованиям соразмерности, поскольку установленный запрет носит недифференцированный характер и не допускает судебной оценки конкретных обстоятельств дела. По их мнению, такое регулирование нарушает баланс между публичными и частными интересами и ограничивает дискреционные полномочия суда при осуществлении правосудия.

Кроме того, заявители полагают, что оспариваемая норма противоречит части 3 статьи 24 Конституции, поскольку ставит лиц, осужденных за преступления, указанные в пункте 7 части 2 статьи 82 УК, в менее благоприятное положение по сравнению с иными осужденными, в отношении которых сохраняется возможность применения пробационного надзора с учетом индивидуальных обстоятельств дела.

Также заявители указывают на несоответствие оспариваемой нормы части 2 статьи 56 Конституции, полагая, что исключение применения пробационного надзора для определенной категории осужденных привело к сужению гарантий индивидуализированного, справедливого и соразмерного правосудия.

Наряду с этим, заявители считают, что оспариваемое правовое регулирование затрагивает право на судебную защиту, гарантированное частью 1 статьи 61 Конституции, поскольку исключает возможность применения судами пробационного надзора даже в случаях, когда обстоятельства дела и данные о личности осужденного свидетельствуют о возможности достижения целей наказания без изоляции лица от общества.

В обоснование своей позиции заявители ссылаются на положения международно-правовых актов в сфере прав человека и обращения с осужденными, предусматривающие необходимость развития мер,

альтернативных лишению свободы, а также обеспечения индивидуализированного применения мер уголовно-правового воздействия.

С учетом изложенного заявители просили признать оспариваемую норму не соответствующей Конституции в той мере, в какой она устанавливает абсолютный запрет на применение пробационного надзора без предоставления суду возможности учитывать обстоятельства конкретного дела, личность осужденного, степень общественной опасности деяния и возможность достижения целей наказания без изоляции лица от общества.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 10 июня 2026 года было отказано в принятии к производству обращения Жаныбекова Н.Ж. и Матцакова С.А.

В определении коллегии судей указано, что при решении вопроса о принятии обращения к производству действует презумпция конституционности нормативных правовых актов. В связи с этим обращение должно содержать доводы, свидетельствующие о наличии конституционно-правовой неопределенности в вопросе соответствия оспариваемой нормы Конституции, тогда как само по себе несогласие с законодательным регулированием не является основанием для возбуждения конституционного производства. Коллегия судей усмотрела отсутствие таковой неопределенности в доводах заявителей по следующим основаниям.

Субъекты обращения связывают неконституционность пункта 7 части 2 статьи 82 УК с тем, что данная норма исключает возможность индивидуальной судебной оценки в вопросе о применении пробационного надзора в отношении преступлений, по которым законом прямо исключено применение данного института.

Уголовное законодательство направлено на охрану и защиту прав и свобод личности, общества и государства от преступных посягательств, предупреждение преступности и восстановление социальной справедливости.

Исходя из этого, законодатель определяет основания уголовной ответственности, виды уголовно-правовых последствий совершения преступления, а также условия применения мер освобождения от наказания или его отбывания (статьи 1, 2, 10 УК).

Вместе с тем уголовный закон основывается на принципах справедливости, соразмерности и индивидуализации ответственности, которые реализуются прежде всего на стадии рассмотрения уголовного дела и назначения наказания. При определении меры уголовно-правового воздействия суд обязан учитывать характер и степень общественной опасности совершенного деяния, обстоятельства его совершения, данные о личности виновного и иные обстоятельства, имеющие значение для вынесения справедливого решения (статьи 6, 7, 72 УК).

Следовательно, принцип индивидуализации уголовной ответственности обеспечивается посредством судебной оценки всех обстоятельств конкретного дела при решении вопроса о виновности лица и назначении ему наказания.

Пробационный надзор, предусмотренный статьей 82 УК, представляет собой специальный уголовно-правовой институт освобождения от отбывания назначенного наказания, применение которого допускается лишь при наличии условий и в пределах, установленных законом. Поэтому установление законодателем запрета на его применение в отношении отдельных категорий преступлений не затрагивает механизмы индивидуализации уголовной ответственности и не лишает суд возможности учитывать обстоятельства конкретного дела при назначении наказания. Оспариваемое регулирование касается лишь пределов применения одного из специальных институтов освобождения от отбывания наказания, тогда как полномочия суда по назначению наказания сохраняются в полном объеме.

Конституция допускает ограничение прав и свобод законом в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения, а также прав и свобод других лиц.

Уголовное законодательство, являясь одним из основных инструментов обеспечения общественной безопасности и защиты конституционно значимых ценностей, предполагает наличие у законодателя широких дискреционных полномочий по определению содержания уголовно-правовой политики государства. В пределах таких полномочий законодатель вправе устанавливать как основания и пределы уголовной ответственности, так и условия применения отдельных институтов освобождения от наказания либо его отбывания, исходя из складывающейся криминогенной ситуации, характера и степени общественной опасности отдельных видов преступлений, их распространенности и необходимости обеспечения эффективной защиты личности, общества и государства (решения Конституционного суда от 28 декабря 2022 года, 21 июня 2024 года, 2 октября 2024 года).

Оспариваемое заявителями законодательное регулирование не носит произвольного характера. Исключение возможности применения пробационного надзора в отношении лиц, осужденных за преступления, предусмотренные статьями 137, 157, 158, 166, 167, 168, 172 и 173 УК, обусловлено особой значимостью охраняемых указанными нормами общественных отношений, повышенной степенью общественной опасности соответствующих деяний, а также необходимостью противодействия негативным социальным явлениям, представляющим повышенную угрозу правам и свободам человека, интересам семьи, несовершеннолетних и общества в целом.

При формировании уголовно-правовой политики законодатель вправе учитывать не только абстрактную тяжесть преступления, но и актуальные вызовы, стоящие перед государством и обществом, включая динамику

распространенности отдельных видов преступности, общественную потребность в усилении уголовно-правовой защиты наиболее уязвимых категорий лиц, а также необходимость укрепления превентивного воздействия уголовного закона. Соответственно, установление особых условий применения отдельных институтов уголовного права является одной из форм реализации законодательной дискреции и само по себе не может рассматриваться как свидетельство нарушения конституционных принципов справедливости, равенства или гуманизма.

При этом оспариваемая норма не затрагивает полномочия суда по осуществлению правосудия и не приводит к сужению судебной дискреции при назначении наказания. Суд сохраняет в полном объеме предусмотренные уголовным законом возможности индивидуализации уголовной ответственности, включая оценку характера и степени общественной опасности деяния, личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств, размера причиненного вреда и иных обстоятельств дела. Именно на стадии назначения наказания реализуются конституционные требования справедливости, соразмерности и индивидуализации уголовно-правового воздействия.

Исключение же возможности применения пробационного надзора к отдельным категориям осужденных относится не к вопросам назначения наказания, а к вопросам применения специального правового механизма освобождения от его отбывания. Следовательно, законодательное определение пределов использования данного института не означает ограничения судебной функции, а представляет собой установление обязательных для суда условий применения конкретной меры уголовно-правового характера.

Не могут быть признаны обоснованными и доводы заявителей о нарушении конституционных прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Совершение преступления влечет возникновение особых

уголовно-правовых отношений между государством и лицом, нарушившим уголовно-правовой запрет, в рамках которых государство вправе применять предусмотренные законом меры ответственности. Конституция не гарантирует лицу, совершившему преступление, право на применение конкретного вида освобождения от наказания либо отбывания наказания. Соответственно, отсутствие законодательной возможности применения пробационного надзора к определенным категориям осужденных не может рассматриваться как отмена или умаление их конституционных прав и свобод.

Ссылки заявителей на международные стандарты также не подтверждают наличие конституционно-правового дефекта, поскольку указанные акты не содержат требования о допустимости пробационного надзора в отношении всех без исключения категорий преступлений, оставляя государствам свободу усмотрения при определении условий и пределов его применения.

С учетом изложенного, коллегия судей пришла к выводу, что оспариваемое правовое регулирование представляет собой результат реализации законодателем принадлежащих ему дискреционных полномочий в сфере уголовной политики, направлено на достижение конституционно значимых целей защиты личности, общества и государства от наиболее опасных преступных посягательств, не исключает индивидуализацию уголовной ответственности и наказания судом, не ограничивает право на судебную защиту и не свидетельствует о наличии конституционно-правовой неопределенности в вопросе его соответствия Конституции.

Не согласившись с указанным определением коллегии судей, Жаныбеков Н.Ж. и Матцаков С.А. 23 июня 2026 года обратились с жалобой в Конституционный суд Кыргызской Республики.

В жалобе заявители указывают, что коллегия судей фактически рассмотрела поставленный вопрос по существу на стадии предварительной проверки обращения, поскольку дала оценку правовой природе оспариваемого

регулирования, пределам полномочий законодателя в сфере уголовной политики, вопросам индивидуализации уголовной ответственности, судебной защиты, равенства и международных стандартов.

Заявители полагают, что коллегия судей неправильно определила предмет обращения, сведя его к вопросу о праве законодателя устанавливать условия применения пробационного надзора, тогда как заявленный ими вопрос состоял в проверке допустимости абсолютного запрета на применение пробационного надзора без возможности индивидуальной судебной оценки обстоятельств конкретного дела.

По мнению заявителей, сохранение за судом полномочий по назначению наказания само по себе не устраняет конституционно-правовую проблему, поскольку при отсутствии реальной альтернативы лишению свободы и законодательном запрете пробационного надзора индивидуализация уголовно-правового воздействия становится формальной.

Также заявители считают, что коллегия судей не дала надлежащей оценки доводам о нарушении права на судебную защиту, принципа равенства и международных стандартов, ограничившись общим указанием на то, что Конституция не гарантирует право на применение конкретного вида освобождения от наказания, а международные акты не требуют применения пробационного надзора ко всем категориям преступлений.

Авторы жалобы в целом повторно приводят свои доводы, изложенные в первоначальном обращении, считая их ясными и аргументированными, указывающими на правовую неопределенность оспариваемой нормы.

Подытоживая их, они дополнительно просят Конституционный суд дать ответ о наличии либо отсутствии предмета конституционно-правового спора по следующим вопросам: затрагивает ли запрет пробационного надзора реальность судебной индивидуализации; может ли индивидуализация считаться сохраненной, если суд формально назначает наказание, но лишен

возможности оценить вопрос о достижении целей наказания без изоляции лица от общества; является ли пробационный надзор только специальным институтом освобождения от отбывания наказания либо он также является формой индивидуализации фактического уголовно-правового воздействия; допустимо ли абсолютное законодательное исключение пробационного надзора без учета обстоятельств конкретного дела; является ли ссылка на уголовную политику достаточной для вывода об отсутствии конституционно-правовой неопределенности; соответствует ли оспариваемая норма принципам соразмерности, равенства, судебной защиты и запрета умаления прав и свобод; как должны учитываться международные стандарты, включая Токийские правила, при оценке допустимости абсолютного запрета мер, не связанных с лишением свободы?

С учетом изложенного, Жаныбеков Н.Ж. и Матцаков С.А. просят отменить обжалуемое определение коллегии судей и принять обращение к производству.

Конституционный суд прежде всего акцентирует внимание на ранее неоднократно высказанную правовую позицию о том, что высокую степень доступности конституционного правосудия нельзя рассматривать как неотъемлемое право каждого оспаривать любой закон или подзаконный акт при первой же возможности, пренебрегая принципом презумпции конституционности нормативных правовых актов. Поэтому конституционным Законом «О Конституционном суде Кыргызской Республики» предусмотрены такие требования к форме и содержанию обращения, чтобы не допускать возбуждения конституционного производства без веских и очевидных причин правового порядка, подвергая каждый раз сомнению жизнеспособность правовой системы страны.

Именно с учетом этих требований коллегия судей осуществляет предварительную проверку обращения и принимает решение о его

допустимости конституционному судопроизводству, что и имело место в связи с обращением заявителей.

Рассматривая жалобу, Конституционный суд осуществляет процессуальный пересмотр определения коллегии судей строго в пределах аргументов, изложенных в обращении, а также с учетом доводов, направленных на опровержение выводов коллегии судей.

Таким образом относительно доводов и аргументов авторов жалобы о наличии конституционно-правового дефекта в оспариваемой норме и необходимости принятия обращения к конституционному судопроизводству, Конституционный суд приходит к следующим выводам.

1. Касательно утверждения заявителей о том, что коллегия судей фактически рассмотрела поставленный вопрос по существу на стадии предварительной проверки обращения, а ее определение не устраняет, а подтверждает наличие конституционно-правовой неопределенности.

Стадия предварительного изучения обращения является самостоятельным и обязательным процессуальным фильтром конституционного судопроизводства. Проверка обращения на предмет его допустимости не может носить формальный характер. Для того чтобы определить наличие или отсутствие реальной конституционно-правовой неопределенности в вопросе соответствия оспариваемой нормы Конституции, коллегия судей подвергает оспариваемое правовое регулирование системному анализу во взаимосвязи с конституционными ценностями.

Из содержания обжалуемого определения следует, что коллегия судей отказала в принятии обращения к производству именно ввиду отсутствия объективно подтвержденного конституционно-правового спора. Тот факт, что в обоснование этого вывода коллегия судей исследовала правовую природу оспариваемого регулирования и рамки законодательной дискреции на предмет выявления конституционно-правовой неопределенности, выступает

необходимым элементом правовой фильтрации, а не предрешением дела по существу.

2. Относительно доводов о неправильном определении коллегией судей предмета обращения, необоснованности ссылки на широкую дискрецию законодателя, без учета ее пределов, а также утверждения о том, что конституционная проблема заключается в отсутствии судебной возможности индивидуальной оценки.

Предмет обращения был определен коллегией судей верно, исходя из буквального содержания первоначального ходатайства. Заявленный авторами жалобы вопрос о недопустимости установления абсолютного законодательного запрета на применение пробационного надзора невозможно рассматривать изолированно от общей оценки дискреции законодателя в сфере формирования государственной уголовной политики.

Любое уголовно-правовое регулирование проверяется органом конституционного контроля на предмет соблюдения баланса конституционных ценностей. В данном случае установление императивных рамок применения пробационного надзора не носит произвольного характера, как правильно было отмечено коллегией судей. Пределы законодательного усмотрения здесь обусловлены конституционной обязанностью государства обеспечивать защиту прав и свобод других лиц. Соответствующее регулирование должно отвечать принципу соразмерности, быть адекватным состоянию правопорядка, характеру и степени общественной опасности определенных видов преступных деяний на том или ином этапе развития общества. В частности, как в данном случае, - обеспечивать эффективную охрану граждан от наиболее опасных форм семейного, сексуального и гендерно обусловленного насилия.

Категоричное несогласие заявителей с обозначенными выше выводами коллегии судей свидетельствует лишь о наличии их субъективного восприятия и понимания вектора ныне проводимой уголовной политики государства,

а также особенностей правового регулирования по вопросам применения пробационного надзора к отдельным категориям осужденных, за совершение преступных деликтов, представляющих повышенную угрозу правам и свободам человека и общества в целом.

Субъективная позиция и оценка заявителей по тем или иным вопросам правового регулирования не может служить доказательством существования конституционной дефектности нормы, требующей рассмотрения дела в рамках конституционного правосудия.

3. По поводу аргумента заявителей о том, что коллегия судей необоснованно отделила вопрос пробационного надзора от индивидуализации наказания, а также проигнорировала довод о системной связи оспариваемого запрета с отсутствием реальной альтернативы лишению свободы.

В соответствии со статьями 6, 7 и 72 УК, принципы справедливости, соразмерности и индивидуализации уголовной ответственности в полном объеме реализуются судом общей юрисдикции на стадии рассмотрения уголовного дела по существу и назначения наказания. Именно в этот момент суд наделен максимальной дискрецией всесторонне оценить характер и степень общественной опасности деяния, личность виновного, мотивы содеянного, а также смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Более того, санкции статей, предусмотренных в оспариваемой норме, включают в себя альтернативные виды наказаний, не связанные с изоляцией от общества. Выбирая конкретную меру наказания в пределах установленных санкций, суд полностью реализует механизмы индивидуализации уголовно-правового воздействия при вынесении приговора. Если по результатам судебного разбирательства суд приходит к выводу о невозможности назначения более мягкого вида наказания и определяет меру в виде лишения свободы, закономерно и логически предполагается, что потенциал учета смягчающих факторов судом уже полностью исчерпан. Дальнейшее же расширение

судебного усмотрения в обход прямых императивных запретов закона противоречило бы целям уголовной ответственности и принципу неотвратимости наказания.

Пробационный надзор по своей правовой природе представляет собой установленную уголовным законом меру уголовно-правового воздействия, применяемую судом в пределах предусмотренных законом оснований и ограничений, поэтому судебное усмотрение при решении вопроса о его применении не является свободным или произвольным, а носит строго юридически обусловленный характер и реализуется лишь в тех рамках, которые определены законодателем.

4. В связи с доводами заявителей о том, что абсолютный законодательный запрет пробационного надзора нарушает права на судебную защиту, принципы равенства перед законом и судом, а также требования соразмерности ограничений.

В соответствии с частью 3 статьи 24 Конституции, принцип равенства означает обеспечение одинакового правового подхода к лицам, находящимся в одинаковых юридических условиях. Оспариваемое регулирование распространяется на абсолютно всех субъектов, осужденных за преступления, перечисленные в пункте 7 части 2 статьи 82 УК, без какой-либо дискриминации по признакам пола, расы, языка или социального положения. Дифференциация условий применения пробации обусловлена исключительно характером и повышенной общественной опасностью самих преступных деяний.

Гарантированное частью 1 статьи 61 Конституции право на судебную защиту также не может считаться нарушенным или формальным. Суды общей юрисдикции никаким образом не ограничены в исследовании доказательств, установлении фактических обстоятельств дела и мотивировании избранной меры наказания. Само по себе отсутствие у лица законной возможности претендовать на конкретный вид освобождения от отбывания наказания за

совершение определенной категории преступлений не может расцениваться как посягательство на его конституционные права, поскольку право на судебную защиту не включает безусловного притязания на применение любой предусмотренной уголовным законом льготной меры. Законодатель, исходя из характера и степени общественной опасности соответствующих преступных посягательств, вправе дифференцировать правовые последствия их совершения, исключая применение отдельных институтов уголовно-правового смягчения в тех случаях, когда это обусловлено необходимостью обеспечения общественной безопасности и поддержания должного уровня уголовно-правовой охраны конституционно значимых благ.

Отмеченное показывает системную и последовательную дифференциацию законодателем как квалификационных признаков преступлений, так и пределов индивидуализации ответственности в контексте обеспечения конституционных гарантий запрета на отмену или умаление прав и свобод человека.

5. Относительно аргументов авторов жалобы о том, что коллегия судей формально отклонила доводы о международных стандартах и не учла содержание Токийских правил ООН.

Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), выступают важным международно-правовым ориентиром для развития национальных правовых систем. Однако эти стандарты носят рекомендательный характер в части определения конкретных видов наказаний и условий их применения.

Токийские правила прямо признают за каждым государством суверенное право устанавливать разумные ограничения на применение мер, альтернативных лишению свободы, в целях обеспечения баланса между правами правонарушителя, правами потерпевших и интересами общественной безопасности. Введение специального запрета на пробацию по делам

о гендерном и семейном насилии полностью соответствует духу международных обязательств Кыргызской Республики по защите прав женщин и детей от жестокого обращения.

6. По требованию заявителей ответа Конституционного суда на вопросы, которые по их мнению, составляют суть конституционно-правового спора и подлежат рассмотрению в рамках конституционного судопроизводства.

Основные выводы коллегии судей, а также изложенные выше конституционно-правовые положения дают достаточный ответ на поставленные вопросы, который может иметь место в рамках установленных законом требований к процедурам предварительного рассмотрения обращений органом конституционного контроля и свидетельствуют об отсутствии конституционно-правовой неопределенности в обжалуемой норме.

Конституционный суд считает необходимым дополнительно подчеркнуть, что специальные ограничительные меры уголовно-правового воздействия, установленные в пункте 7 части 2 статьи 82 УК, обусловлены актуальными социально-правовыми проблемами и криминогенными вызовами, стоящими перед обществом на современном историческом этапе.

Оспариваемый запрет в применении пробационного надзора по своей природе не носит постоянного характера и может быть скорректирован, сужен или полностью отменен законодателем в зависимости от социальной обстановки, состояния общественной безопасности и правового порядка в стране.

Таким образом, Конституционный суд приходит к выводу, что коллегия судей, отказывая в принятии обращения к производству, действовала в пределах предоставленных ей полномочий и дала надлежащую оценку приведенным заявителями доводам в объеме, необходимом для проверки допустимости обращения.

Доводы и аргументы авторов жалобы фактически выражают их несогласие с избранной законодателем моделью уголовно-правового регулирования и не свидетельствуют о наличии конституционно-правовой неопределенности, являющейся обязательным условием для возбуждения конституционного судопроизводства.

При таких обстоятельствах Конституционный суд приходит к выводу об отсутствии правовых оснований для отмены определения коллегии судей от 10 июня 2026 года об отказе в принятии обращения Жаныбекова Н.Ж. и Матцакова С.А. к производству.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

П О С Т А Н О В И Л:

1. Жалобу Жаныбекова Н.Ж. и Матцакова С.А. на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 10 июня 2026 года оставить без удовлетворения.

2. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ